

Харузин Николай Николаевич

Русские лопари

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 50
ББК 22
Н63

Н63 **Николай Николаевич Х.**
Русские лопари / Харузин Николай Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 482 с.

ISBN 978-5-521-28909-7

ISBN 978-5-521-28909-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>стр.</i>
I. <i>Възсто введенія: Очеркъ страны русскихъ лопарей.</i>	1—13.
II. <i>Очеркъ исторіи лопарей.</i>	
Вопросъ о происхожденіи. Разселеніе лопарей. Свидѣтельства о жительствѣ лопарей въ южныхъ частяхъ Скандинавскаго полуострова, современныхъ Новгородской, Петербургской, Олонецкой губ. и Кемскаго у. Архангельской губ. Дѣленіе лопарей на три группы (шведскихъ, норвежскихъ и русскихъ). Очеркъ исторіи шведскихъ и норвежскихъ лопарей. Движеніе новгородцевъ въ Кольскій полуостровъ. Введеніе христіанства среди русскихъ лопарей. Печенгскій монастырь. Торговья отношенія древнихъ лопарей и русскихъ промышленниковъ. Распределеніе границъ между скандинавской и русской Лапландіей .	14—54.
III. <i>Очеркъ вѣшнаго и матеріальнаго быта лопарей.</i>	
Вѣшность лопаря. Характеръ. Школьное образованіе. Вопросъ о вымираніи лопарей. Медицинская помощь въ Лапландіи. Пища лопарей. Одежда. Жилыща. <i>Занятіе лопарей:</i> оленеводство, охота, рыболовство. Перекочевки. Торговля. Извозничество и др. побочныя занятія русскихъ лопарей.	55—134.
IV. <i>О древней религіи лопарей и о слѣдахъ древнихъ вѣрованій среди современныхъ русскихъ лопарей.</i>	
Общія заимчанія. Дѣленіе божества на главные и второстепенныя. Четыре разряда главныхъ божествъ. Радіенъ-Атче, Радіенъ-Кіедде, Юмеля, Радіенъ-Ніейда. Пейве (солнце). Слѣды вѣрованій въ солнце, солнцевыхъ сестеръ, мать, жену и солнцеву дочь среди совр. русскихъ лопарей. Айленсъ-Олбмакъ. Айене и Арома-Толго совр. русск. лопарей. Сторыюнкере. Замѣна этихъ главныхъ божествъ второстепенными. Слѣды вѣрованій въ нихъ среди совр. русскихъ лопарей. Мадератта, Мадеракка и Саракка. Подземныя божества. Вѣрованія въ подземную страну у совр. русск. лопарей; представленія ихъ о душѣ, адѣ и раѣ. Вѣрованія въ духовъ вѣдь, горъ и т. п. «духовъ чародѣевъ.» Вѣрованія въ Стаало у древнихъ и современныхъ лопарей. Идалы у лопарей. Жертвоприношенія. Слѣды жертвоприношеній въ настоящее время. Древніе обряды перекрещиванья «лопарскимъ именемъ» и «именемъ предка». Сейды. Слѣды вѣрованій въ сейдовъ у совр. русск. лопарей. Вѣрованія въ чорта у древнихъ и современныхъ лопарей. Почитаніе медвѣдя. Вѣрованія въ волка и нѣкотор. др. животныхъ. Сувѣрія современныхъ лопарей. Нойды (шаманы-колдуны) и знахари у др. и совр. лопарей. Выводы .	134—236.
V. <i>Очеркъ семейнаго и общественнаго быта лопарей.</i>	
<i>Слѣды бывшаго родоваго устройства у совр. русскихъ лопарей.</i> Культъ семейныхъ духовъ. (Свѣдѣнія о гостепріимномъ гетеризмѣ у др. лопарей). Владѣніе землей, родовыя прозвища и фамиліи, родовыя вѣймы и знаки собственности, величаніе по отцу, дѣду и прадѣду. <i>Союзъ родственныи:</i> родство кровное, свойство, родство духовное. Бракъ и свадьба у древнихъ	

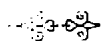
и современных лопарей. Отношения между супругами (личныя и имущественныя). Обряды при рожденіи и крещеніи. Первоначальное воспитаніе дѣтей. Отношенія между родителями и дѣтьми (личныя и имущественныя) въ «большихъ» и «малыхъ» семьяхъ. Пріемыши и пріемыше зятя. Семейныя раздѣлы при жизни отца. Погребальныя обряды у лопарей. Семейныя раздѣлы по смерти отца. *Прива на имущество*: купля, мѣна, находка, кладъ, трудъ. О личномъ наймѣ. *Народные суды*: судъ схода и третейскій судъ. Увѣщаніе лопарей 237—341.

VI. О народномъ творчествѣ у лопарей.

Эпическій характеръ лопарскаго творчества. Эпосъ животный. Сказки: о лисѣ и медвѣдѣ, о томъ, какъ произошли домашніе животныя, о лисѣ и мужикѣ, о превращеніи въ лисаго оленя. Эпосъ мифологическій: о солнцевыхъ сыновьяхъ, о дочери солнца. Сказанія о Сталло и подземномъ царствѣ. Эпосъ историческій: преданіе о разрушеніи Печенгскаго монастыря, сказанія о чули: преданія о богатыряхъ. Лопарская лирика. Переходъ лирическихъ произведеній въ эпическія. Современный эпосъ у лопарей: бывальщина и ибены. Ихъ происхожденіе, переходъ въ сказки. Эпосъ ираноу-чительный. 342—394.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

- Приложеніе I-е.* Грамата 1697 (Разборъ тяжбы между лопарями и печенгскими старцами). 395.
Приложеніе 2-е. Выписка изъ Писцовой книги 1608—1611 гг. 409.
Приложеніе 3-е. Сказки: 1) О томъ, какъ мужикъ ходилъ къ солнцу. 2) О царскомъ сынкѣ. 3) Смѣлчавъ сынъ. 4) Московскій воръ. 5) О томъ, что бываетъ грѣшникамъ послѣ смерти. 463.
Приложеніе 4-е. Объясненіе къ «Распределенію поселяковъ и погостовъ въ русской Лапландіи» 470.

I. ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

Очеркъ страны русскихъ лопарей.

Далеко на берегу „Студенаго моря“, занимая огромное пространство между Бѣлымъ моремъ и Атлантическимъ океаномъ, раскинулась Лапландія ¹⁾ страна полусказочная, „страна холода, вѣчнаго мрака—страна, населенная чародѣями“. Таковой представляется эта страна въ финскомъ народномъ эпосѣ: это и есть та „мрачная Похьола“, въ предѣлахъ которой не мало испытали горя герои Калевалы, гдѣ чуть не погибъ отъ руки лапландца Юкагайнена „старый вѣрный Вейнемейненъ, вѣковѣчный пѣснопѣвецъ“. Эта страна,—окутанная постоянными туманами, гдѣ густой слой снѣга скрываетъ подъ собою чахлую растительность, гдѣ зимой царствуетъ непроницаемый мракъ—всегда являлась въ народномъ воображеніи только съ своей мрачной стороны, и описаніе Лапландіи въ зимнее время, картины, изображающія страну въ эту часть года, перешли и въ учебники, и въ хрестоматіи. Такимъ образомъ складывается и у насъ одностороннее представленіе о Лапландіи, мало чѣмъ отличающееся отъ представленій творцовъ Калевалы.

Дѣйствительно есть огромная доля правды въ этомъ представленіи. Большую часть года Лапландія покрыта снѣгомъ, рѣки замерзаютъ, солнце съ осени ²⁾ еле-еле появляется на горизонтѣ и обреченные на продолжительное сидѣніе въ темнотѣ жители влекутъ однообразно дни, съ нетерпѣніемъ ожидая краткаго лѣта; по равнинамъ лопарской земли, среди мрака, среди мертвой природы наступаетъ господство хищныхъ волковъ, которые

¹⁾ Примѣч. Русская Лапландія раскинулась между 66° и 70° сѣв. ш. и между 30° и 40½° в. д. отъ Гринвича. Она занимаетъ обширный полуостровъ, отъ границъ Норвегіи до мыса Орлова, на 650 п. и внутри по меридіану около 400 п. отъ с. Керети до Сѣвернаго края Рыбачьего полуострова. Окружность Лапландіи 2800 п., площадь ея до 180 т. кв. п. или 18.771.700 кв. децимтнъ, что составляетъ приблизительно четверть Архангельской губ. (Дергачевъ. Рус. Лапландія).

²⁾ Зима наступаетъ около пачама октября; выпадаетъ снѣгъ, рѣки замерзаютъ и небольшія морекія губы покрываются льдомъ. Зимній путь устанавливается въ концѣ октября. Съ 13 ноября по 8 января наступаетъ полярная ночь. Въ декабрѣ морозъ доходитъ до 36° R. и болѣе внутри Лапландіи. Въ приморскихъ частяхъ холодъ рѣдко бываетъ выше 30°. Съ 5 января солнце начинаетъ показываться; въ половинѣ апрѣля начинается таять снѣгъ. Въ первыхъ числахъ мая рѣки освобождаются отъ льда; зелень показывается лишь со второй половины мая, и то лишь на южныхъ склонахъ горъ. Съ 12 мая по 9 іюля солнце не сходитъ съ горизонта. Лѣто бываетъ теплѣе внутри страны, чѣмъ у береговъ моря и океана. Въ гористыхъ мѣстахъ температура доходитъ иногда до +18° R. въ тѣни, иногда подымается еще выше. Средняя температура въ апрѣлѣ +1,5°, май +5,4°, іюнь +9,6°, іюль +13,2°, августъ +11,8°, сентябрь +5°, октябрь +0,9, ноябрь +2,6°. Наибольшая теплота была у Арской губы, именно +26° R въ тѣни. (Рус. Лапландія).

стаями, подчасъ огромными, бродятъ по снѣжнымъ равнинамъ, нападая на олени стада лопарей, поѣдая подчасъ оленей въ огромномъ количествѣ. Изъ лѣса выходитъ медвѣдь — не менѣе волковъ страшный для лопаря звѣрь, отъ нападений котораго также не мало приходится страдать оленьимъ стадамъ. Въ это время господствуютъ страшные вѣтры, которые, поднимая сильныя мятели, заносятъ снѣгомъ чуть не до крышъ убогія жилища лопарей. Лопарская зима есть вмѣстѣ съ тѣмъ и время господства сѣверныхъ сіяній, къ которымъ мѣстные жители относятся съ суевѣрнымъ страхомъ. Разгорится небо, покроется то ярко-красными, то зеленовато-синими полосами, которыя то соединяются въ правильные полукруги, то образуютъ огромные свѣтлые вѣнцы, то разъединяются, расходятся и сходятся вновь, мѣняя свои очертанія и цвѣтъ.

Все, кажется, соединяется, чтобы нанести ущербъ лопарю — всѣ силы природы словно готовы разрушить и безъ того незавидную долю лопаря, словно хотятъ воспрепятствовать человѣку проникнуть и обосноваться въ этой „странѣ мрачныхъ духовъ“. Суевѣрнаго жителя эти бури и сѣверныя сіянія страшатъ тѣмъ болѣе, что съ этими грандіозными явленіями природы связаны вѣрованія въ мрачныхъ злыхъ духовъ. Когда буря бунуетъ, мятетъ свѣтъ, когда вѣтеръ завываетъ по ущельямъ горъ — это давно убитая „Чудь“ выходитъ изъ могилъ и горе тому, на кого эта, по народнымъ преданіямъ, враждебная нѣкогда при жизни „Чудь“ нападетъ — не останется ему живому: Чудь мститъ за свои давнія пораженія. Если появится сѣверное сіяніе на полярномъ небѣ — это или духи усопшихъ восходятъ на небо, либо духи сражаются другъ съ другомъ. Зимой же и весной нагромождается ледъ у береговъ океана; ледъ растетъ и достигаетъ чудовищныхъ размѣровъ ледяныхъ горъ, которыя подчасъ, гонимы вѣтромъ, внезапно, плавно и грозно подвигаются къ берегу, наѣзжаютъ на него и давятъ, стираютъ съ лица земли постройки и цѣлыя прибрежныя селенія — и горе жителямъ, если они во время не успѣютъ спастись: и ихъ сотретъ ледъ и погубитъ, какъ онъ стеръ и погубилъ ихъ постройки. Такъ долго зимой спитъ лопарская земля, безъ признака жизни, отданная на произволъ грознымъ, враждебнымъ человѣку силамъ природы. Тогда, по словамъ Шеффера ¹⁾ „холодъ все связываетъ, не могутъ устоять противъ него даже самыя быстрыя рѣки; онѣ покрываются чрезвычайно крѣпкимъ льдомъ, толщина котораго равняется двумъ, тремъ и болѣе человѣческимъ футамъ. Даже самыя широкія озера, даже самыя глубокія моря лежатъ заключенныя льдомъ, такой силы, что онъ выносить на себѣ любыя тяжести“.

Но не весь годъ длится такая неблагоприятная погода. Наступаетъ весна — оттаиваютъ долины, ледяной покровъ рѣкъ и озеръ спадаетъ; показывается чахлая трава, пробиваются сквозь не совсѣмъ еще стаявшій снѣгъ свѣтлые листья морозики; кустарники и деревья сбрасываютъ съ себя снѣжное покрывало — снова на солнцѣ блестятъ темными хвоями ель и сосна, и низкорослая, слабая сѣверная береза снова покрывается зеленой листвою своею, словно въ безсиліи защититься отъ арктическихъ вѣтровъ, протянутыя къ югу вѣтви. Наступаетъ краткое полярное, но жаркое лѣто. Голубое блѣдное небо лежитъ обширнымъ покровомъ надъ небольшими лѣсами и болотами, отражается въ озерахъ и рѣкахъ. Появляется и фауна: нѣсколько видовъ бабочекъ перелетываютъ по

¹⁾ I. Schefferi. Lapponia. Francofurti. 1673. p. 19.

цвѣтамъ, кое-гдѣ небольшими кучками раскинутымъ по влажнымъ полуболотистымъ низинамъ; появляются и нѣсколько видовъ жуковъ. Разъ мелкая фауна существуетъ, существуютъ и враги ея, которые стремятся къ ея уничтоженію: масса куропатокъ, рибчиковъ и другой птицы живетъ въ лѣсахъ, перелѣсахъ и болотахъ. У болотистыхъ береговъ рѣкъ, въ пяскахъ озеръ—цѣлыми стадами плаваютъ утки, подпускающія охотника на довольно близкое разстояніе отъ себя. Солнце не заходитъ. Краснымъ шаромъ подымается оно отъ сѣдыхъ волнъ океана и къ вечеру снова спускается къ волнамъ и, лишь краснѣ коснувшись ихъ, снова подымается изверху. Зимой постоянная ночь—лѣтомъ постоянный день. Оригинальное и выстѣ съ тѣмъ непріятное чувство вызываетъ этотъ непроходимый день въ человѣкѣ непривычномъ. Нервы устали отъ дневныхъ впечатлѣній, требуютъ отдыха, по ночи нѣтъ, нѣтъ даже сумерокъ. Свѣтло и ночью такъ, какъ днемъ въ пасмурную погоду. Далеко не всѣ, а подавно тѣ, которые родились или долго жили на югѣ, выносятъ эти сѣверныя лѣтнія ночи. Многихъ одолеваетъ такая тоска, что они спать ночью не могутъ, не смотря на темныя занавѣски и закрытыя ставни; въ этихъ случаяхъ предпочитаютъ спать днемъ. Мнѣ даже рассказывали случаи, что нѣкоторые, пріѣхавшіе служить, уроженцы нашихъ южныхъ губерній рѣшительно не выносили этихъ ночей и просили о переводѣ. Но мѣстные жители привыкли къ нимъ; эти ночи на нихъ не производятъ никакого удручающаго чувства—они рады, что, послѣ долгой непроглядной зимней тьмы, могутъ налюбоваться солнечнымъ свѣтомъ. Тутъ лѣтомъ кишитъ дѣятельность: въ короткое, очень короткое время нужно сдѣлать такъ много, чтобы быть сытымъ и обезпеченнымъ на время долгой зимы.

Но природа все же не вполне дружелюбно относится къ жителю и въ лѣтнее время: стаи комаровъ, мошекъ, выпедившихъ изъ болотъ, буквально облѣпляютъ проходящаго и нѣтъ спасенія отъ нихъ: они залѣзаютъ въ глаза, носъ, уши, за шею и сколько ни гони ихъ, сколько ни убивай—эта незначительная въ одиночку, но страшная въ массѣ, враждебная сила нисколько не убываетъ и доводитъ не только непривычнаго къ нападенію „комариной силы“ путешественника, но и самихъ лопарей, до полного отчаянія.

Но это еще не все: лопарь готовъ снести самъ всѣ невзгоды, лишь бы его, уцѣлѣвшее отъ зимнихъ бурь и отъ нападѣній хищныхъ звѣрей, небольшое стадо оленей осталось въ живыхъ, поправилось за лѣто—и этого не всегда удается ему достигнуть. Комары, оводы облѣпляютъ оленей; оводы прокусываютъ шкуру несчастнаго звѣря и откладываютъ подъ его кожу свои яички—отъ чего, по мѣрѣ того, какъ изъ яичекъ развиваются зародыши, происходитъ жгучая боль, которая доводитъ иногда оленей до смерти; а комары, забиваясь въ ноздри и уши, доводятъ ихъ до бѣшенства. Не спасаетъ и то, когда олени въ себя кидаются въ воду и заходятъ такъ глубоко, что лишь голову видно на поверхности—дѣйствительно комаровъ нѣтъ по срединѣ рѣки, овода отступаютъ отъ своей жертвы, но стоитъ оленю лишь на минуту выйти изъ своего убѣжища и вотъ на берегу уже поджидаетъ его цѣлая стая враговъ, которая снова начинаетъ его беспокоить, пока олень въ порывѣ отчаянія снова не бросится какъ бѣшеный въ воду и не заберется въ глубь.

Такова Лапландія лѣтомъ. Но не на долго озаряетъ ее солнце. „Быстро проносится лѣто полярное“—и уже съ половины августа дни начинаютъ сильно уменьшаться,

почи становятся все темнѣе и темнѣе; вскорѣ начинается господство холодныхъ вѣтровъ, нагоняющихъ и снѣгъ и морозъ. И вотъ уже снова снѣгъ покрываетъ всю огромную площадь лопарской земли и снова она засыпаетъ надолго, пока косвенные лучи полярнаго солнца снова не оживятъ ее на короткій срокъ. Такъ изъ года въ годъ, въ продолженіе тысячелѣтій господствуетъ въ этой странѣ то непрерывная ночь, то непрерывный день.

Таковъ характерный видъ для этой арктической страны въ лучшее для нее и худшее время. Какова же сама эта страна?

По общему представленію Лапландія страна ровная, покрытая болотами, которыя типутся на огромныя необозримыя пространства. Большія площади поросли ягелемъ (омельнымъ мохомъ), кой-гдѣ лѣпится низкорослый кустарникъ и „корявая“ береза. Это представленіе вѣрно, но только для одной части Лапландіи—для другой оно было бы диаметрально противоположнымъ дѣйствительности. Андрей Бурей въ своемъ сочиненіи о Швеціи, говоря о Лапландіи, даетъ слѣдующую краткую, но очень вѣрную характеристику ея, имѣя въ виду, впрочемъ, тоже лишь одну часть ея, не ровную—именно шведскую Лапландію и ту часть русской, которая со временемъ отошла отъ Швеціи и Норвегіи подъ русское владычество. Онъ говоритъ: „Лапландія самая сѣверная изъ провинцій, занимаетъ весьма широкое пространство, изобилуетъ лѣсами, горами, болотами, озерами и рѣками. Въ ней нѣтъ никакихъ полей, но въ иныхъ мѣстахъ заключаетъ въ себѣ огромныя пастбища“¹⁾. Эта характеристика вѣрна для большей части русской Лапландіи. Такимъ образомъ въ Лапландіи нужно различать два типа мѣстности: горную и ровную, между собой ничего общаго не имѣющія: одну покрытую горами, отрогами и продолженіемъ горъ скандинавскихъ; среди долинъ, образуемыхъ ими, раскинута масса озеръ и рѣкъ—другую ровную. Г. Фрисъ²⁾ проводитъ слѣдующую границу между этими двумя совершенно различными мѣстностями лопской земли: если провести, говоритъ онъ, линію отъ города Колы къ юго-востоку черезъ Ловозеро и отъ Ловозера къ морю до Сосновицъ, то получится граница между лѣсной и безлѣсной частями Лапландіи. Къ сѣверо-востоку будетъ лежать безлѣсная, тундристая полоса, къ юго-востоку лѣсистая, на которой сначала показывается полоса господства березовыхъ лѣсовъ, а затѣмъ лѣсъ, смѣшанный изъ сосенъ и ели.

Въ какихъ же отношеніяхъ находятся между собой эти двѣ части лопской земли? Безлѣсное пространство занимаетъ въ русской Лапландіи 9/16, т. е. болѣе 56% всего пространства Лапландіи, лѣсистая полоса—6/16, т. е. 37,5% и лишь 1/16, т. е. около 6% падаетъ на озера и болота³⁾. Изъ этого уже можно заключить, что Лапландія не страна болотъ, какъ это принято обыкновенно думать, такъ какъ тундру слѣдуетъ рѣзко отличать отъ болота: дѣло въ томъ, что подъ словомъ тундра въ Кольскомъ уѣздѣ, по крайней мѣрѣ, принято разумѣть нѣчто совершенно другое тому, что сложилось въ нашемъ представленіи подъ этимъ словомъ. Тундра не огромная, ровная площадь, покры-

¹⁾ I. Schefferus. Lapponia. p. 22.

²⁾ Friis. Russisch-Lappland. въ A. Petermanns Mittheilungen. 1870, стр. 361.

³⁾ Ibid.

тая болотами, никогда вполне неоттаивающими, на которыхъ растетъ лишь морошка и клюква и другіе болотные представители сѣверной флоры, и на которыхъ по кочкамъ лежатъ низкій кустарники. Это, наоборотъ, сухое (это необходимый признакъ тундры въ Кольскомъ уѣздѣ), покрытое ягелемъ мѣсто—безъ различія будетъ ли это мѣсто находиться на вершинѣ горы или въ лѣсу, или на плоскости: лишь бы оно было сухое и поросло ягелемъ—оно уже получаетъ названіе тундры. Такъ понимаютъ мѣстные жители тундру, какъ русскіе, такъ и лопари, и обходятся даже, когда имъ говоришь, что у насъ подъ этимъ словомъ разумѣется болото. Когда спрашиваешь лопаря, какъ пойдетъ дорога туда-то? онъ отвѣчаетъ, хотя бы такъ: столько-то по болоту, столько-то по тайболѣ, а тамъ ужъ тундра, хорошо будетъ идти.

Уже а priori можно было сказать, что Лапландія должна быть страной не болотистой: если бы Лапландія была покрыта болотами, если бы на мѣста влажныя приходилось бы большое количество земли, то откуда же лопари находили пищу для своихъ оленьихъ стадъ, пища которыхъ состоитъ изъ ягеля главнымъ образомъ, а ягель растетъ лишь на мѣстахъ безусловно сухихъ.

Сравнимъ данныя о характерѣ мѣстности въ шведской Лапландіи. По даннымъ Дюбена ¹⁾ въ шведской части Лапландіи пространство, занимаемое горами, равняется 29,7%; лѣсами 38,4% и озерами и болотами—31,9%. Если принять во вниманіе, что на эту часть лопской земли падаетъ и большее число озеръ, то съ достовѣрностью можно заключить, что и тамъ число болотъ не велико, и что площадь ими занимаемая крайне ограничена. Соединивъ данныя для русской Лапландіи и данныя для шведской, мы получимъ, что 81% всего пространства падаетъ на мѣста сухія и лишь 19% на озеро и болото. Вычтя пространство, занимаемое озерами, мы еще разъ должны придти къ заключенію, что Лапландія страна по преимуществу не болотистая.

Далѣе если обратиться къ характеру мѣстности въ ровной и гористой частяхъ Лапландіи и начать съ тундристой, безлѣсной полосы, то видъ ея представится намъ слѣдующимъ: ровная мѣстность, на неозримое пространство покрытая оленьимъ мохомъ, что придаетъ и лѣтомъ этой равнинѣ видъ покрытой снѣгомъ; среди этой равнины кой-гдѣ течетъ рѣчка, среди низкихъ береговъ; унылая, мертвая картина, почти что безъ признаковъ пребыванія въ ней людей; и тянется эта равнина все далѣе къ сѣверу и подходитъ къ берегу Сѣвернаго океана, у котораго она обрывается, чтобы дать мѣсто морю, смѣнить свой ягель на пѣну сѣдыхъ океанскихъ волнъ, такихъ же унылыхъ, такихъ же негостепріимныхъ, какъ и безбрежныя волны покрытой бѣдной растительностью лопарской тундры. Проѣзжая по сѣверному ледовитому океану, достаточно имѣешь случаевъ насмотрѣться на эту унылую картину: она наводитъ своимъ однообразіемъ, своей мертвенностью грусть на непривычнаго человѣка и тутъ невольно еще болѣе ясно рисуются другія картины, которыя представляетъ таже Лапландія въ другой своей части, не менѣе своеобразной, чѣмъ первая, но несравненно болѣе богатой и красивой.

¹⁾ Düben. La Laponie et les Lapons въ Congrès international des Sciences Geographiques, стр. 324. 1878 г.

Лапландскія горы—продолженіе горъ скандинавскихъ. Изъ Норвегіи, пипетъ г. Верещагинъ, „онѣ направляются къ югу, тянутся по западной границѣ нашей Лапландіи ¹⁾ къ берегамъ Бѣлаго моря и пускаютъ отпрыски въ Лапландію около Кандалакшскаго залива. Эти кряжи горъ почти непрерывною каймою возвышаются по берегамъ Лапландіи: Терскому и Мурманскому“ ²⁾. Каковъ же характеръ этихъ горъ? Тотъ же авторъ даетъ слѣдующую характеристику ихъ: лапландскія горы, говоритъ онъ, ничто другое, какъ массы гранита взгроможденные одна на другую, изрѣдка пробивается на нихъ травка, да кое-гдѣ одиноко растетъ низенькая берега или сосна, почти лишенная вѣтвей съ сѣверной стороны“ ³⁾. Эта характеристика совершенно вѣрна, поскольку она касается горъ на Мурманскомъ берегу, вдоль сѣвернаго океана. Огромныя массы гранита, нагроможденные другъ на друга, черныя, мрачныя, круто спадаютъ къ морю, образуя подчасъ совершенно отвѣсныя скалы; масса глыбъ гранитныхъ, Богъ вѣсть когда упавшихъ съ вершинъ, лежитъ въ морѣ, омываемая волнами, обнажаемая при отливѣ и покрываемая до верху во время прилива. Подчасъ скалы на берегу образуютъ выемки и ступени, гладко обточенные водой,—тутъ сотнями сидятъ чайки, слетающіяся сюда за добычей, которую онѣ получаютъ, ловя рыбу въ морѣ или расхищая остатки, выбрасываемые рыбопромышленниками вблизи становищъ. Это такъ-называемые „птичьи базары“. Оригинальное впечатлѣніе оставляютъ эти мрачныя громады, на которыхъ огромнымъ пятномъ сидятъ бѣлыя чайки, крича и постоянно перемѣщаясь съ мѣста на мѣсто. На вершинахъ этихъ горъ, среди неприступныхъ скалъ, взобраться на которыя почти что нѣтъ возможности, расположены массами гнѣзда гагаръ, гагъ—тутъ же гнѣздятся и орлы, которые мѣрно парятъ надъ вершинами, высматривая себѣ добычу. Дѣйствительно растительности на этихъ мертвыхъ скалахъ почти что не встрѣтишь, лишь изрѣдка кое-гдѣ на уступѣ прильпilahъ зеленая трава, да и то какая-то вялая и такая-же безжизненная, какъ и мрачныя, черныя утесы, пріютившіе ее на своей каменной груди; лишь изрѣдка, цѣпляясь длинными корнями, стоитъ небольшая сосенка или стелется, пригнувшись къ холодному граниту, полярная береза—жалкая, словно полууми-

¹⁾ Скандинавскія горы по выходѣ изъ Норвегіи наполняютъ собой большую часть русской Лапландіи. Около Кандалакшскаго залива и границъ Норвегіи онѣ достигаютъ 1000 футовъ; къ востоку онѣ понижаются и наибольшая высота ихъ равняется 500 ф. Отрасли этихъ горъ, кромѣ кражей около Кандалакши и на берегахъ Терскомъ и Мурманскомъ, возвышаются внутри страны отдѣльными группами, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое названіе. Съ сѣверо-западной стороны оз. Имандра тянутся Мишгубскія горы (Чуна-горы), съ восточной и сѣверо-восточной стороны этого же озера горы Хибинскія. Хибинскія горы раздѣляются на три отрога: первый идетъ на сѣверъ къ Ловозеру и далѣе къ Мурманскому берегу (Мурманскимъ берегомъ называется берегъ Медовитаго океана отъ Норвежской границы, иногда и отъ Кольской губы до Святаго Носа). Второй отрогъ Хибинъ идетъ на востокъ вдоль по р. Поной и соединяется съ гористымъ Терскимъ берегомъ. (Это названіе придается берегу отъ Святаго Носа до р. Варзуги). Этотъ берегъ образуетъ утесы отъ 50 до 200 ф. высоты; высота хребта отъ 200—500 футъ. Третій отрогъ Хибинъ идетъ на югъ къ Варзугѣ. На восточномъ плечѣ Кольскаго залива возвышаются Хѣтинскія горы отдѣльными куполовидными вершинами, высотой въ 500 ф. На Рыбачьемъ полуостровѣ, между Колой и Норвежской границей возвышается большой утесъ Кекаръ (400 ф.). Сѣвернѣе Мишгубскихъ горъ идутъ Волчьи горы, за ними по лѣвой сторонѣ р. Колы Оленьи горы (Оленья тундра), окружающія озера Мурдозеро и Шулозеро, далѣе Риктайбольскія горы и гора Ульбачиха. Около оз. Имандра возвышается Божья гора. Около острова Сосновца возвышается Соколья гора. Таковы главныя горы Лапландіи. Въ разныхъ мѣстахъ этихъ горныхъ кражей находили золото, серебро, мѣдь, желѣзо, свинецъ, кобальтъ; встрѣчаются здѣсь также яшма, порфиръ, аметисты, черныя мраморъ (Рус. Лап.).

²⁾ Верещагинъ. Очерки Арханг. губ., стр. 34.

³⁾ Ibid.

рающая—несчастливая сестра нашей роскошной развѣсистой березы средней полосы Россіи. Таковъ видъ этихъ скалъ. Другую картину представляютъ горы у Канда拉克шской губы и внутри лапландской земли. При вѣздѣ въ Канда拉克шскую губу виды береговъ поражаютъ проѣзжаго. Навидавшись безжизненныхъ утесовъ во время дороги подъ Кемью, ожидаешь встрѣтить и здѣсь такія же угрюмыя сѣрыя гранитныя массы, островами брошенныя среди волнъ Бѣлаго моря, лишенныя всякой растительности, если не считать мертвенныхъ липаевъ сѣраго и желтаго цвѣта, которые мѣстами покрываютъ эти утесы,—и видишь, что у самаго берега синяго залива начинаются горы довольно значительной высоты, отъ подошвы до вершины покрытыя густымъ слоемъ лѣсомъ, среди темной зелени котораго возвышается то желтый стволъ сосны, то бѣлѣетъ своей свѣтлой корой береза. Дѣйствительно нѣтъ тутъ тѣхъ огромныхъ деревьевъ, какъ въ средней полосѣ, какъ въ нашихъ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ: и сосна, и ель, и береза не достигаютъ здѣсь большой вышины, словно этому лѣсу не больше 20—30 лѣтъ. Но какъ бы то ни было нѣжныя, мягкія очертанія горъ, зелень, ихъ покрывающая, заставляетъ подчасъ забыть, что находишься на далекомъ сѣверѣ. Вотъ островъ, брошенный среди залива; островъ этотъ, имѣя то же вышнее очертаніе, какъ небольшіе острова подъ Кемью, не похожъ, однако, на нихъ опять таки оттого, что лѣсъ покрываетъ его: смотрятся темнохвойныя ели въ синія волны морскія, вздымаются, ползутъ по горѣ, достигаютъ вершины и красивыми силуэтами вырисовываются на сѣверномъ небѣ. Таковы горы подъ Канда拉克шей. Снова мѣняютъ онѣ и свои очертанія когда удаляешься въ глубь страны. Только что выступаешь изъ Канда拉克ши и оставляешь за собой прибрежныя возвышенности, какъ горы, удаляющіяся въ глубь, начинаютъ мѣняться. По берегамъ озера Имандра тянутся съ восточной его стороны Хибинскія горы, а съ западной цѣпь Чуна—горы. Кое-гдѣ по лоцинамъ бѣлѣетъ еще не успѣвшій оттаять снѣгъ, кое-гдѣ среди лѣса темнаго, хвойнаго бѣжитъ свѣтлой струей ручей, взявшій начало отъ снѣжной глыбы, лежащей на верху. Отъ подошвы до половины горы эти возвышенности одѣты лѣсомъ, а дальше растительность обрывается, словно волшебная сила запретила деревьямъ подниматься выше, и вотъ голыя гранитныя верхушки, мѣстами прикрытыя коврами ягеля, вздымаются къ блѣдно-голубому небу. Но наиболѣе, пожалуй, типичными для русской Лапландіи горами на мой взглядъ является хребетъ Оленья тундра, тянущійся по берегамъ озеръ Мурдъ и Пулъ. Тундрой эти горы названы отъ того, что верхушки ихъ покрыты ягелемъ. Этотъ хребетъ, какъ и горы Хибинскія и Чуна, также на половину поросъ лѣсомъ и отчасти мелкимъ кустарникомъ. Но другая половина ихъ не обнажается, какъ у тѣхъ, каменныхъ массъ—она покрыта сплошнымъ ковромъ ягеля зеленовато-бѣлаго цвѣта. Эти широкія, огромныя вершины поражаютъ, пожалуй, также, какъ насъ поражаютъ и снѣговыя горы суроваго Кавказа; дѣло въ томъ, что то отсутствіе жизни чувствуется одинаково, когда смотришь и на снѣговыя вершины и на эти закрытыя ковромъ ягеля горы; но цвѣтъ ягеля какъ-то нѣжныѣе, ласкающѣе блестящаго бѣлаго снѣга. Кажется, что за той полосой, гдѣ прерывается лѣсъ, гдѣ начинается необъятное царство оленьяго мха, начинается и новая жизнь, жизнь своеобразная, не похожая на ту, которую ведутъ тутъ внизу у подошвы горы—что новый сказочный міръ откроется тому, кто войдетъ на эти вершины.

Что касается лѣса ¹⁾, покрывающаго эту часть Лапландіи, то его можно раздѣлить на двѣ группы: лѣсъ, покрывающій возвышенности и растущій по низинамъ. По возвышенностямъ лѣсъ преимущественно состоитъ изъ ели и сосны и отчасти березы. Всѣ три вида деревьевъ не достигаютъ большой вышины: онѣ тонки, слабы, какъ будто не имѣютъ силъ расти дальше; обыкновенно среди деревьевъ тянется коверъ ягеля, сухаго, хрустящаго подъ ногами. Ставъ на какомъ-нибудь пригоркѣ и посмотрѣвъ вокругъ, видишь, какъ этотъ лѣсъ, переходя съ холма на холмъ, уходитъ все дальше и дальше, пока всѣ деревья не сливаются въ одну сплошную массу—вмѣстѣ съ деревьями ползетъ по сухой почвѣ и ягель и, занимая промежутки между деревьями и окружая ихъ корни, удаляется вмѣстѣ съ деревьями. Вдали кажется, будто снѣгъ лежитъ среди лѣса густой пеленой, но снѣгъ, залитый какимъ-то зеленоватымъ цвѣтомъ. Жизни въ этомъ лѣсу почти что нѣтъ. Ни пѣнія птицъ, ни крика далекаго звѣря въ немъ не слышать, не залетываютъ сюда и бабочки, лишь изрѣдка, ухватывая цѣпкими ножками вѣтвистый ягель, проползетъ жукъ, сухой и сѣрый, какъ и коверъ изъ ягеля.

Не то въ лощинахъ и низинахъ: сосны тутъ почти что не встрѣтишь, лишь ель и береза; то и другое еще ниже, еще болѣе жалкое, чѣмъ на возвышенностяхъ. Здѣсь влажная почва даетъ возможность развиться болѣе богатой цвѣточной флорѣ; этому же способствуетъ и защищенность лощинъ отъ неблагоприятныхъ для растительности вѣтровъ. Но и эта растительность не богата: мята, репейники, Иванъ-чай и т. п. разнообразятъ одноцвѣтныи коверъ зеленой травы. Изъ ягодъ встрѣтишь здѣсь и морошку съ ея зрѣющими ягодами, красиво выглядывающими среди зелени; въ болѣе тонкихъ мѣстахъ найдешь и клюкву, а гдѣ посуше, тамъ чернѣютъ ягоды вороники и черники; встрѣчается и брусника въ довольно большомъ количествѣ. Вотъ главные представители небогатой лопарской флоры. По этимъ-то лощинамъ и низинамъ, когда лѣтнее солнце начинаетъ ихъ нагревать, появляются представители міра бабочекъ и жуковъ. Изъ бабочекъ лично мнѣ удалось видѣть только капустницу и ванессу чертополоховую. И въ этихъ лѣсахъ, какъ и въ первыхъ, царствуетъ такая же мертвая тишина, здѣсь, въ низинахъ, прерываемая изрѣдка жужжаніемъ жука или мухи, или взлетомъ вспугнутой проходящими куропатки. Эта тишина, безлюдье характерно для Лапландіи; она составляетъ одну изъ ея отличительныхъ чертъ и гдѣ бы вы не находились въ границахъ Лапландіи вездѣ все молчитъ, словно все замерло, застыло, словно все, что здѣсь живетъ, дышетъ, боится подать голосъ, показать признаки своего пребыванія.

Эта тишина, это безмолвіе нарушается только шумомъ рѣкъ на порогахъ. Я имѣлъ уже выше случай замѣтить, что Лапландія богата водой, въ особенности въ своей гористой части. Масса озеръ раскинута въ долинахъ среди горъ. Озера самой разнообразной величины, самой разнообразной формы. По словамъ Верещагина, въ одной

¹⁾ Примѣч. Въ Кольской губѣ Бетлингъ напелъ сосну, ель, ольху, осину и черемуху. Въ лѣсной части Лапландіи, между Колой и Капдалакшей, встрѣчаются сосна, ель, пихта, рѣже рябина и береза, еще рѣже ольха, осина и черемуха. Толщина деревьевъ бываетъ среднимъ числомъ до 9 дюймовъ, хотя и встрѣчаются деревья въ 30 дюймовъ въ обрубѣ. (Рус. Лапл.). Но это можетъ относиться лишь къ тѣмъ мѣстностямъ Лапландіи, которыя являются защищенными отъ дѣйствія сѣверныхъ вѣтровъ.